

В. П. СТЕПАНЕНКО

К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ВЕСТА
«МАТИАНЕ КАРТЛИСА»

При описании аннексии Анийского царства Византией анонимный автор Матиане Картлиса упоминает о переходе на сторону царя Грузии Баграта IV некоего веста, передавшего Багратиду девять анийских крепостей¹. Личность веста осталась неизвестной и первому переводчику источника М. Ф. Броссе, и последнему — М. Д. Лордкипанидзе, и издателю и переводчику армянской версии летописи И. В. Абуладзе². В известном ономастическом словаре Р. Ачаряна содержится указание на данный отрывок Матиане Картлиса в переводе Л. Меликсет-Бека³. Р. Ачарян допускает возможность тождества веста с Саркисом Хайказном — одним из ведущих политических деятелей Анийского царства в период правления шаханшаха Йовханнэса Смбата ок. 1017—1021 гг., ставшим регентом после смерти последнего⁴. Данная идентификация была поддержана и К. Н. Юзбашяном⁵. Мы полагаем, что она может быть определенно доказана. Следует учесть, однако, что это противоречит традиционной трактовке внутриполитической борьбы в Анийском царстве накануне его аннексии Византией, согласно которой все ведущие политические деятели царства рассматриваются как лидеры двух противоборствующих группировок. Саргису Хайказну отводится роль лидера провизантийской группировки при анийском дворе и последовательного проводника экспансионистских планов империи в Закавказье. Данная трактовка стала хрестоматийной как в общих трудах по истории Армении, так и в работах, посвященных частным вопросам истории данного периода⁶. В этой связи появление Хайказна в Грузии и передача им крепостей Баграту IV накануне аннексии Анийского царства Византией, казалось бы, представляются более чем сомнительными.

Вопрос о группировках внутри правящей верхушки Анийского царства был четко поставлен и разрешен в основном в духе борьбы двух партий

¹ Матиане Картлиса /Пер., введ. и прим. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976 (далее — Матиане Картлиса), с. 49.

² Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu' 1469/ Trad. par M. Brosset. SPb., 1849, p. 319; Матиане Картлиса, с. 84, прим. 212; Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. Картлис Цховреба /Груз. оригинал и древнеарм. пер. издал И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1953, с. 226.

³ Меликсет-Бек Л. Грузинские источники об Армении и армянах. Ереван, 1934, I, с. 205. На арм. яз.

⁴ Научные труды Ереванского гос. ун-та, 1948, т. 26, с. 409, № 49. На арм. яз. Приношу искреннюю благодарность К. Н. Юзбашяну за указание этого и предыдущего трудов и перевод их соответствующих глав.

⁵ Когда наша статья была завершена, благодаря любезности К. Н. Юзбашяна мы получили возможность ознакомиться с его работой «Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г.» (ВВ, 1979, 40, с. 76—91) до выхода ее из печати. По мере возможности ряд выводов автора учтен нами далее.

⁶ Из числа последних см.: Арутюнова-Фиданян В. А. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на восток в X—XI вв. — ИФЖ, 1978, № 2, с. 195.

К. Н. Юзбашяном⁷. Позже он более осторожно подошел к данной проблеме⁸. Затрагивал ее и Р. М. Бартикян⁹.

Мы полагаем, что деление анийской аристократии на две противоборствующие группировки на основании приписываемой им внешнеполитической ориентации не может быть установлено на основании существующих источников. Последние прослеживают судьбы лишь отдельных, наиболее влиятельных деятелей данного периода, но не судьбы группировок. Этих деятелей практически невозможно делить на последовательных византинофилов и патриотов, ибо каждому из них в той или иной степени были присущи обе эти тенденции, превалировавшие на различных этапах их деятельности. Анализ источников, освещающих данную проблему и используемых всеми ее исследователями, показывает, что термины «про-византийская» и «патриотическая» применительно к группировкам, существование которых проблематично, неадекватно отражают действительность, создавая впечатление о существовании определенных политических партий с четко выработанными программами защиты или предательства национальных интересов. В этой связи целесообразно еще раз обратиться к источникам и проследить роль Саргиса Хайказна во внутриполитической борьбе в Ани накануне византийского завоевания, учитывая при этом постепенное изменение политической ситуации в стране в тот период. Внешнеполитическая же ориентация ведущих политических деятелей царства — Хайказна, католикоса Петроса, Григора и Вахрама Пахлавуни, на наш взгляд, была теснейшим образом связана и в основном определялась перипетиями борьбы за антийское престолонаследие, их позицией относительно соглашения 1017/18 г. В этой связи выявление этапов внутриполитической борьбы в Анийском царстве в 10—40-х годах XI в. дает возможность внести существенные коррективы в традиционно-суммарную оценку деятельности Саргиса и объяснить тот, казалось бы, парадоксальный факт, что накануне сдачи Ани Византии Хайказн перешел на сторону Грузии и сдал ей анийские крепости.

Как известно, после смерти шаханшаха Гагика I (ок. 1017 г.) вследствие междоусобной борьбы его сыновей — шаханшаха Иовханнэса Смбата и выступившего против него Ашота под давлением сторонников первого, не допустивших перехода престола к его младшему брату, Анийское царство было разделено на два удела¹⁰. По соглашению 1017/18 г. Ашот был признан наследником удела Иовханнэса Смбата и власти шаханшаха. Но вскоре ему пришлось восстанавливать власть в собственном уделе с помощью византийских войск¹¹. Возможно, появление последних в Закавказье явилось поводом для заключения союза шаханшаха Ани с царем Грузии, антивизантийская направленность политики которого несомненна. Поражение Грузии в войне 1021—1022 гг. с Византией предопределило капитуляцию и Иовханнэса Смбата, вынужденного завещать анийский удел империи. Зимой 1021/22 г. к императору Василию II в Трапезунд прибыло анийское посольство во главе с католикосом Петросом и передало императору завещание шаханшаха, признанного пожизненным правителем Ани и получившего сан магистра¹². Трапезундское соглашение фактически аннулировало договор 1017/18 г. и вело к даль-

⁷ Юзбашян К. Н. Аристахэс Ластивертци и его исторический труд. — В кн.: «Повествование» вардапета Аристахэса Ластивертци /Пер. с древнеарм., вступ. статья и комм. К. Н. Юзбашяна. М., 1968 (далее — *Аристахэс Ластивертци*), с. 23—24, 29.

⁸ Юзбашян К. Н. «Повествование» Аристахэса Ластивертци и закат «эпохи Багратидов»: Автореф. дис. на звание докт. ист. наук. Л., 1975, с. 18—19.

⁹ Бартикян Р. М. К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. — Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван, 1971, с. 63—72.

¹⁰ Маттэос Урхайеци. Хронография. Вагаршапат, 1898 (далее — *Маттэос Урхайеци*), с. 84—86.

¹¹ *Аристахэс Ластивертци*, с. 60.

¹² *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope/Ab I. Bekkero suppletus et emendatus*, II. Bonnae, 1839 (далее — *Cedr.*), p. 557.

нейшему обострению внутривосточной борьбы в стране, на ход которой все большее влияние начинает оказывать Византия. Соглашение повлекло за собой дальнейшую поляризацию сил, выразившуюся в разрыве между братьями и группировавшимися при их дворах феодальными кругами. И если Ашот ориентировался на союз с соседними эмиратами ¹³, то Иовханнэс Смбат и его окружение объективно оказались в одном лагере с Византией. По-видимому, империя стремилась привлечь на свою сторону наиболее влиятельных лиц из окружения Иовханнэса Смбата, показателем чего служит пожалование им византийского сана. Так, до 1026 г. стал анфипатом спартапет анийской армии Вахрам Пахлавун, традиционно рассматриваемый как лидер патристической группировки ¹⁴, до 1041/2 г. стал магистром его племянник Григор Пахлавун ¹⁵, до 1032/3 г. анфипат патрикием, вестом и дукой Востока — Саргис Хайказн (он был женат на дочери Григора Магистра Пахлавун ¹⁶).

К сожалению, начальный период деятельности последнего, обладавшего наиболее внушительным перечнем византийских титулов, может быть реконструирован лишь гипотетически. Принадлежавший к высшим кругам анийской аристократии, по-видимому, один из богатейших феодалов своего времени, Хайказн сравнительно рано начинает играть выдающуюся роль в делах царства, входя в ближайшее окружение Иовханнэса Смбата. В надписи построенной им церкви св. Саргиса в Хцонке Хайказн называет себя «любимым рабом» трех ромейских императоров, «которыми он был удостоен сана анфипат патрикия, веста и дуки Востока» ¹⁷. Получение Саргисом первого византийского сана можно связать лишь с событиями 1021 г. Ряд исследователей полагает, что он принял непосредственное участие в анийском посольстве в Трапезунд ¹⁸. Это возможно, но недоказуемо.

Следует учесть, что до 1021 г. Византия поддерживала Ашота, брата и противника шаханшаха, подданным которого являлся Хайказн. Очевидно, свой первый византийский сан Саргис получил около 1021 г., когда стал магистром его сюзерен, или чуть позже, когда анийский удел вовлекается в орбиту византийского влияния, но не позднее 1025 г., когда умирает первый из упомянутых в хцонкской надписи императоров — Василий II. Остальных санов Хайказн был удостоен ко времени построения церкви, датированной 1032/33 г. Показательна в этой связи и Тэкорская надпись 1035/6 г., датированная царствованием Иовханнэса Смбата, патриаршеством католикоса Петроса и правлением или господством Саргиса, веста Востока ¹⁹. Как Саргиса Великого упоминает его в то же время в ближайшем окружении шаханшаха и Маттэос Урхайеци ²⁰. Поэтому весьма вероятно, что к 30-м годам XI в. Хайказн занимает исключительное положение при дворе Иовханнэса Смбата и, возможно, становится одним из лидеров той части феодалов Анийского царства, которая со времени конфликта 1017/18 г. связала свою судьбу с шаханшахом, фактически правила уделом и после Трапезундского соглашения оказалась в одном лагере с Византией. К сожалению, мы можем судить о внешнеполитической ориентации лишь самого Саргиса и обоих Пахлавун. Насколько она отражала настроения более широких кругов анийских феодалов? На этот счет можно строить лишь предположения. Но можно ли рассматривать данных дея-

¹³ Он выдал дочь за владетеля Двина Шаддадида Абу-л-Асвара; см. *Аристахэс Ластивертци*, с. 85.

¹⁴ См.: *Орбели И. А.* Избранные труды. Ереван, 1963, с. 441.

¹⁵ См. *Эмин Н.* Армянские надписи в Карсе, Ани и окрестностях последнего. М., 1883, с. 82, № 184.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 83, № 186.

¹⁸ См., например: *Кирикос Гандзакеци*. История Армении/Пер. с древнеарм. Л. А. Ханларян. М., 1976, с. 269, прим. 236.

¹⁹ *Эмин Н.* Указ. соч., с. 82, № 185.

²⁰ *Маттэос Урхайеци*, с. 67.

телей как убежденных византинофилов? (Отметим, что к их числу принадлежат и Вахрам Пахлавун — спарпет анийской армии и анфипат.)

Если анийская аристократия признавала Трапезундское соглашение, то это было связано не столько с ее провизантийскими симпатиями, сколько с причинами внутривосточного характера — существованием договора 1017/18 г., предопределявшего переход удела шаханшаха к его младшему брату, противницей которого она являлась. В этих условиях единственной гарантией сохранения власти сторонников Иовханнэса Смба в анийском уделе являлось упрочение его на престоле в противовес притязаниям Ашота. Но в то же время и Византия, выступавшая как наследница шаханшаха по соглашению 1021 г., являлась соперницей Ашота и, естественно, поддерживала оппозиционную ему группировку анийской аристократии. И анийская аристократия, и Византия были равно заинтересованы в спокойном царствовании Иовханнэса Смба, что, при сохранении постоянной угрозы их интересам со стороны Ашота, и явилось основой их сближения. Именно существованием договора 1017/18 г. можно объяснить то, что Византия пошла по пути вовлечения анийского удела в сферу своего влияния посредством укрепления прямых контактов с правящей верхушкой Ани, включая и самого шаханшаха. Особенность этой политики отметили уже современники. Маттэос Урхайеци, в основе соответствующих разделов «Хронографии» которого лежит современная описываемым событиям хроника Акоба Санаинеци, пишет, что «Иовханнэс при жизни дал ромеям грамоту о том, что после смерти его Ани будет принадлежать ромеям и что взамен этого обязательства он получал от ромеев дары и почести в течение пятнадцати лет»²¹. Кульминацией усилий Византии по вовлечению анийского удела в орбиту своего влияния явился второй брак Иовханнэса Смба, получившего в жены племянницу Романа III Аргира²².

Известное совпадение интересов империи и анийской аристократии, включая и самого шаханшаха, продемонстрировали события 1032—1039 гг. Вследствие разрыва с шаханшахом католикос Петрос оставил патриарший престол в Ани и тайно выехал в Васпуракан, тогда уже византийскую фему, где пробыл четыре года и, «невзирая на просьбы, не желал возвратиться. Но, взятый васпураканским дукой силою, он был доставлен к Иоанну и заключен в Бджни»²³. Причины конфликта неизвестны. Но доказательны два факта — выдача католикоса шаханшаху византийским наместником Васпуракана и заключение его в Бджни-резиденции Григора Пахлавун. Таким образом, и в данном случае имперская администрация действовала в интересах шаханшаха, опиравшегося в конфликте с католикосом на силы, уже поддерживавшие его ранее в борьбе с младшим братом и вновь объективно оказавшиеся в одном лагере с Византией. Отсюда вовсе не следует, что анийская аристократия выступала за передачу удела шаханшаха империи. В последней она видела временную союзницу, равно заинтересованную не допустить перехода удела Ашоту при жизни его старшего брата. Византия рассматривалась как противовес Ашоту, ибо притязаниям его по договору 1017/18 г. анийская аристократия противопоставила претензии Византии по соглашению 1021 г. Такова была позиция правящей верхушки анийского удела и, естественно, одного из ее лидеров — Саргиса Хайказна.

В этой связи для оценки последующей деятельности Саргиса показателен тот факт, что все византийские саны он получил до 1033 г., в период сближения шаханшаха с константинопольским двором, тогда как после этой даты ни одного имперского пожалования ему не известно и, судя по

²¹ Маттэос Урхайеци, с. 84.

²² *Cedr.*, II, р. 498.

²³ Всеобщая история Вардана Великого /Пер. с древнеарм. и объяснена Н. Эмином. М., 1864, с. 122—123; Маттэос Урхайеци, с. 75—76.

Тэкорской надписи 1041/42 г., в это время Хайказн все еще оставался вестом. Что касается предположения К. Н. Юзбашяна, согласно которому в 1033—1036 гг. Саркис был византийским стратигом Иверии²⁴, ибо в Хцонской надписи он назван дукой Востока, а «Восток» в ряде армянских и грузинских источников — фема Иверия, то, на наш взгляд, нет оснований связывать сан дуки Востока с административным постом стратига Иверии. Известно, что в 1000 г. этого сана, а точнее — почетного титула, был удостоен признавший сюзеренитет Византии владетель Диарбакра Мерванид Муммахид аддаула Саид, явно не отправлявший функций стратига Иверии и бывший суверенным правителем²⁵.

Таким образом, если следовать традиционному толкованию событий 10—40-х годов XI в., то в качестве провизантийской группировки при анийском дворе следует рассматривать всю анийскую аристократию во главе с деятелями, входившими в ближайшее окружение шаханшаха и обладавшими византийскими санами, как Саргис Хайказн, объявленный византинофилом, и Вахрам Пахлавун, признанный лидером патриотов. По нашему мнению, в данный период оснований для подобного деления анийской аристократии на две противоборствующие группировки нет.

Внутриполитическая борьба вспыхивает в Анийском царстве с новой силой, когда один за другим умирает Ашот и Иовханнэс Смба́т. Смерть последнего явилась сигналом к вступлению не только Византии, но и бывших вассалов шаханшаха, также претендовавших на анийское наследие²⁶.

Ориентация сторонников Иовханнэса Смба́та в данный период неизвестна. Можно лишь предположить, что при жизни шаханшаха, когда вероятность аннексии его удела Византией казалось менее реальной, чем угроза со стороны Ашота, те круги, на которые опирался Иовханнэс Смба́т и которые связывали свои интересы с его царствованием, выступали единым фронтом. Как бы то ни было, после смерти шаханшаха реальная власть в уделе осталась в руках его сторонников — регентом был назначен Саргис Хайказн. Но именно тогда встал вопрос о судьбах удела. Перед анийской аристократией стояла дилемма: или содействовать выполнению условий Трапезундского соглашения и передать удел Византии, или бороться за сохранение независимости его и, быть может, за воссоединение обоих уделов.

Первый путь был чреват утратой анийской аристократией ее привилегированного положения фактической вершительницы судеб удела. Второй же, предполагавший воссоединение уделов или унию анийского удела с одним из соседних государств, был предпочтительнее, ибо в этом случае позиции анийской аристократии не только сохранялись, но и укреплялись в рамках возрожденного Анийского царства или любого другого государства, владетель которого был бы приглашен на анийский престол. Личная уния, как показали дальнейшие события, была возможна с Ташир-Дзорагетом, Двинским эмиратом Шаддадидов, Грузией и уделом Ашота, который унаследовал его сын Гагик. Предпочтительнее были права последнего — единственного представителя старшей, анийской ветви династии армянских Багратидов. К тому же он был юн и в случае возведения его на престол шаханшаха всем был бы обязан своему новому окружению, сохранявшему, таким образом, свое влияние в уделе и восстанавливавшему его в пределах возрождаемого государства. Наконец, оставалось соглашение 1017/18 г., закреплявшее престолонаследие за Ашотом и его потомками. По-видимому, именно признание или непризнание прав Гагика на престол шаханшаха и предопределяло отношение сторонников Иов-

²⁴ Yuzbashian K. N. L'administration byzantine en Arménie aux X—XI siècles. — REArm., NS, 1973—1974, X, p. 158.

²⁵ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, с. 41—42.

²⁶ Маттэос Урхайтеци, с. 84—85.

ханнэса Смбата — придворной аристократии, армии и церкви — к притязаниям Византии и соседних владетелей. Против имперских притязаний выступила армия, отразившая два похода византийских войск против Ани (1041 г.). Аристократия же раскололась. Если Пахлавун, возможно, опираясь на армию, спарпетом который был Вахрам, признали Гагика и призвали его, то регент анийского удела Саргис Хайказн не признал прав наследника Ашота на престол и начал борьбу с ним.

Маттэос Урхайеци пишет: «После смерти Иовханнэса один из ишханов Армении по имени азат Саргис Хайказн дал знак ромеям и отдал им страну Армянскую, а сокровищницу древних царей армянских захватил и увез к абхазам, вступил в крепости и многие города взял под свою власть и вознамерился править над Арменией. Но не признал его род Багратуни, ибо он был Хайказн»²⁷. Аристахэс Ластивертци сообщает: «Когда весть о смерти царя достигла ушей ромейского самодержца, он счел, что грамота об Армении утверждает его права на наследственную собственность, и приступил к захвату города Ани и страны. Но в это время некий Саргис из числа главных азатов Армении торжественно назначил себя царем над Ширакской страной и окружающими гаварами, ведь он сумел прибрать к рукам все сокровища из дворца Иовханнэса, ибо после его смерти был назначен регентом»²⁸.

К сожалению, хронология событий 1041—1045 гг. известна недостаточно²⁹. По-видимому, Саргис стал регентом осенью 1041 г., вскоре после этого он «назначил себя царем», что знаменовало собой окончательный раскол анийской знати, ибо против притязаний бывшего соратника и родственника выступили Пахлавун. Возможно, именно с этим было связано нежелание Вахрама довести до конца разгром византийских войск во время их второй экспедиции против Ани (зима 1041 г.)³⁰, ибо это укрепило бы позиции регента как главы удела. По-видимому, сам Хайказн претендовал на власть лишь в анийском уделе и поэтому значительная часть анийской аристократии предпочла ему Гагика, коронация которого вела к возрождению Анийского царства во главе с нею. Как бы то ни было Пахлавун признали Гагика и «благодаря мудрой уловке доставили в город», т. е. в Ани, который контролировал Хайказн³¹.

На этом этапе внутривосточная борьба завершается компромиссом — на анийский престол во исполнение условий соглашения 1017/18 г. возводится наследник Ашота при сохранении и даже укреплении позиций сторонников Иовханнэса Смбата, точнее — той части их, которая признала Гагика шаханшахом. Коронация последнего имела последствия не столько во внешнеполитическом аспекте — как противовес притязаниям Византии и представителей младших ветвей династии Багратидов, сколько означала, что внутри страны Саргису Хайказну, поддержанному частью феодалов, противопоставлен легитимный наследник Иовханнэса Смбата, возведенный на престол родом Пахлавун при поддержке церкви. Тем самым государство было поставлено на грань гражданской войны, столкновение регента и шаханшаха было неминуемо, и военные действия начались тотчас же после того, как Пахлавун доставили Гагика II в Ани. «Саргис собрал царские сокровища и пробрался в цитадель неприступного Ани»³². Гагик же подступил к нему и уговорил его с мольбами. Тогда Саргис покинул цитадель и отправился в бердакалак Сурмари,

²⁷ Маттэос Урхайеци, с. 84.

²⁸ Аристахэс Ластивертци, с. 81.

²⁹ В целом мы следуем хронологическим выкладкам Шепарда; см.: Shepard J. Skylitzes on Armenia in 1040 and role of Catalaun Cecaumenos. — REArm., NS, 1976, 11, p. 269—311.

³⁰ Маттэос Урхайеци, с. 81.

³¹ Аристахэс Ластивертци, с. 81; Маттэос Урхайеци, с. 86—87.

³² Речь идет о Нерки Берде — южной оконечности Ани; см.: Юзбашян К. Н. Анийская рукопись 1298 г. — Вестн. Ереванского гос. ун-та, 1971, № 2.

но крепость Ани, равно как и другие замки, на которые простиралась его власть, Гагику не выдал. Прибыв в Сурмари, он коварно замыслил передать все, чем владел, под владычество ромеев и самому перейти к ним. Гагик же с немногими людьми вошел в лагерь, приблизился к шатру Саргиса, приказал взять его под стражу и вступил в свой царственный город. Мятежника следовало умертвить, но Гагик мыслил подобно Саулу и пощадил второго Агага, посадил его рядом с собой в колесницу»³³. Маттэос Урхайеци также пишет, что Саргис попал в руки Гагика II и под пытками был вынужден выдать ему «крепости, гавары, города, наследие его предков»³⁴.

Казалось бы, регент потерпел полное поражение в борьбе с шаханшахом. Но если безоговорочно принять версию Урхайеци о полной капитуляции Саргиса, сохранившего жизнь лишь ценой сдачи Гагику II всех контролируемых им крепостей, то совершенно непонятна та колоссальная роль, которую, по данным того же автора, продолжает играть Хайказн в последующих событиях, выступая в качестве главы оппозиции шаханшаху. На наш взгляд, это могло быть связано лишь с тем, что борьба регента и шаханшаха завершилась не столь уж безусловной победой последнего. Потерпев поражение в борьбе за власть, Хайказн тем не менее сохранил свои позиции, сторонников, контроль над частью территории удела и, как следствие, свое влияние на дальнейшее развитие событий, что подтверждают и Урхайеци, и Ластивертци. Гагик II стал шаханшахом до 10 марта 1042 г., т. е. его борьба с регентом началась весной того же года³⁵.

Источники сообщают, что, терпя поражение и не желая передавать анийские крепости шаханшаху, Хайказн намеревался сдать их Византии и перейти на имперскую службу. Данная попытка, если она имела место (армянские авторы пишут лишь о намерении Хайказна), была следствием именно поражения регента в борьбе за власть. Его внутриполитические позиции оказались достаточно слабыми, хотя, по-видимому, все же существовали достаточно веские причины, помешавшие шаханшаху расправиться с побежденным Хайказном. На контакты Саргиса с Грузией указывает сообщение Урхайеци об отправке «к абхазам» сокровищ армянских Багратидов. Возможно, это было связано с надеждами на помощь царя Грузии, но последний в это время боролся с очередным мятежом Липарита Орбелиани и не мог вмешаться в анийские дела³⁶. Обращение Хайказна к Византии, сохранявшей претензии на анийский удел по соглашению 1021 г., в этой обстановке представляется вероятным, ибо, как показали последующие судьбы бывших соратников Саргиса — Григора и Вахрама Пахлавун, своевременный переход на сторону Византии обеспечивал блестящую карьеру на имперской службе. Но и Византия, пережившая очередной государственный переворот, в данный период была не в состоянии вмешаться в междоусобную борьбу в Ани³⁷, что дало Гагику II двухлетнюю передышку, использованную им для установления своей власти над всей территорией царства³⁸.

Резюмируя события зимы 1041 — весны 1042 г., можно констатировать, что борьба регента и шаханшаха с обеих сторон имела характер борьбы за власть и со стороны первого ни в коей мере не была связана с интересами Византии. Саргис боролся за свои интересы, отстаивал свою власть в анийском уделе.

³³ *Аристахэс Ластивертци*, с. 81.

³⁴ *Маттэос Урхайеци*, с. 87.

³⁵ См.: *Эмин Н. Указ.* соч., с. 73, № 163.

³⁶ *Матиане Картлиса*, с. 49; о дате мятежа см. там же, с. 84, прим. 240.

³⁷ См.: *Урхайеци*, с. 93; *Юзбашян К. Н.* Скилица о захвате Анийского царства, с. 82.

³⁸ Урхайеци (с. 93) пишет об отражении набега неких хорасанцев недалеко от Бджни шаханшахом с помощью Григора Пахлавун.

Последующие события, связанные с аннексией Анийского царства Византией, известны нам и в изложении Урхайеци, Ластивертци и Скилицы. Они детально изложены и проанализированы К. Н. Юзбашяном³⁹, что избавляет нас от необходимости останавливаться на них подробно. Нашему рассмотрению подлежит лишь роль Саргиса Хайказна в этих событиях, ибо она явилась основанием для объявления его главой провизантийской группировки, сыгравшей решающую роль в сдаче Анийского царства Византии⁴⁰. Урхайеци сообщает, что поводом для возобновления византийских притязаний на анийский удел явилось то, что Хайказн подсказал императору Константину IX Мономаху: «Вызови к себе в Константинополь Гагика, якобы желая выказать ему свою любовь, и тогда ты сможешь отнять у него хитростью город Ани»⁴¹. Шаханшах отказался от поездки, «ибо знал двуличие ромеев. Но изменник Саргис и другие азаты, которые были в согласии с ним, предстали пред Гагиком и побудили его предпринять эту поездку», дав в качестве гарантии грамоту, скрепленную подписью католикаса⁴². Аристакас Ластивертци также пишет, что «Гагик не последовал советам Вахрама и других азатов, которые его воцарили, но прислушался к уговорам коварного Саргиса, покинул город и отправился в Грецию путем, по которому не было возврата»⁴³. Для армянских авторов «Ани был захвачен не по закону войны, но лукавой речью»⁴⁴, и решающую роль в этом сыграло предательство противников шаханшаха во главе с Хайказном, который сознательно действовал в пользу Византии. Для Урхайеци трагедия Ани завершается тем, что во время пребывания Гагика II в Константинополе изменники, давшие ему клятву верности, прислали Мономаху сорок ключей от Ани, что и предопределило капитуляцию шаханшаха, высланного в пожалованные ему владения в Малой Азии⁴⁵. Однако реальная действительность была намного сложнее. К. Н. Юзбашян отмечает, что, «увлеченные нравственным аспектом, армянские авторы драматизируют события и излагают факты применительно к своей этической концепции»⁴⁶. Действительно, Урхайеци сознательно преуменьшает значение частично известного ему комплекса предпринятых Византией мер военного и дипломатического характера, сыгравших решающую роль в капитуляции шаханшаха, в частности походов имперских войск в 1044 г. с целью захвата анийского удела. Что же касается роли группировки Хайказна, то Ластивертци ничего не знает о послании Саргиса императору и о выдаче ему ключей от Ани. Более того, Аристакас пишет, что, когда Гагик II находился в Константинополе, сюда прибыл Григор Пахлавун. «Видя, что Гагика не отпускают в собственную страну, он предстал перед императором и вручил ему ключи от Бджни, передав ему всю свою наследственную вотчину» в обмен на византийский сан, административный пост и земельные пожалования в Месопотамии⁴⁷.

Возможно, поступок Григора может быть объяснен тем тяжелейшим внешнеполитическим положением, в котором оказалось Анийское царство в данный период⁴⁸. Но показательно, что перед отъездом в Византию

³⁹ Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82—84.

⁴⁰ Даже К. Н. Юзбашян считает Хайказна главой «провизантийски настроенной знати»; см.: Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 84.

⁴¹ *Маттэос Урхайеци*, с. 93.

⁴² Там же, с. 93—94.

⁴³ *Аристакас Ластивертци*, с. 84.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Маттэос Урхайеци*, с. 96.

⁴⁶ Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 83.

⁴⁷ *Аристакас Ластивертци*, с. 84.

⁴⁸ См.: *Седр.*, II, р. 558—559; Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82—85. Возможно, Григор попал в опалу после битвы при р. Раздан ок. Бджни; см.: Юзбашян К. Н. Экскурсия в армянской надписи 1051 г. — ПС, 1971, 23, с. 106, прим. 6. Взгляды обоих Пахлавун в данный период рассмотрены Р. М. Бартияном (см. выше, прим. 9) и К. Н. Юзбашяном (Скилица о захвате Анийского царства, с. 85).

Гагик II назначил регентом католикоса Петроса, а не кого-либо из Пахлавуни, которым он был обязан престолом. Поездка шаханшаха во многом объясняется причинами внешнеполитического характера — походами византийских войск против Ани и набегами на территорию царства отрядов Шаддадида Абу л-Асвара, вступившего в союз с империей. Значительную роль сыграла и слабость внутривосточных позиций шаханшаха, в частности оппозиция ему со стороны группировки Хайказна, объективно способствовавшей успеху империи. В совокупности все это содействовало слабости позиций Гагика II на переговорах в Константинополе. Отход же от него Пахлавуни означал окончательный крах внутривосточных позиций шаханшаха и предопределил его капитуляцию перед империей.

Казалось бы, провизантийская группировка при анийском дворе достигла цели — шаханшах был вынужден выполнить условия Трапезундского соглашения — и должна была приобрести доминирующую роль в государстве накануне передачи его империи. Естественно, должен был выйти на политическую арену и лидер данной группировки Саргис Хайказн. Но этого не произошло. Ни один из современных описываемым событиям источников не сообщает никаких данных о деятельности византинофилов в целом и Хайказна в частности летом-осенью 1045 г. Закономерен вопрос: существовала ли данная группировка в действительности, и если существовала, то обладала ли она тем влиянием на судьбы царства, которое приписывает ей позднейшая историография? На основании существующих источников на этот вопрос может быть дан лишь отрицательный ответ. События, последовавшие за отречением шаханшаха, также свидетельствуют против теории о доминирующей роли провизантийской группировки, сыгравшей якобы решающую роль в передаче Ани империи.

Известие об отречении Гагика II привело к новой вспышке борьбы за дальнейшие судьбы царства. Согласно Ластивертци, городская знать решила сдать Ани либо Давиду Анхолину, царю Ташир-Дзорагета, либо Абу-л-Асвару, либо царю Грузии Баграту IV⁴⁹. Показательно, что среди претендентов не упоминается Византия, в пользу которой не выступила ни одна группировка. Имя Саргиса Хайказна в этой связи не упоминается. Оно окончательно исчезает со страниц армянских источников еще до описания ими отречения шаханшаха, тогда как судьбы остальных политических деятелей этого периода, даже оказавшихся за пределами Анийского царства или признавших власть империи, прослежены ими до конца. Умолчание источников о судьбе Саргиса можно объяснить лишь тем, что он действительно исчезает с политической арены к лету 1045 г. Но ни один источник не сообщает о переходе его на сторону Византии, что было бы естественно предполагать в свете приписываемой ему внешнеполитической ориентации. Нет ни одного свидетельства и о том, что Хайказн участвовал в передаче Ани империи прямо или косвенно, ибо последнее упоминание о нем относится к событиям, предшествовавшим данному акту. Молчание армянских и византийских источников может свидетельствовать лишь об одном — Саргис не участвовал в решающих событиях лета 1045 г., приведших к передаче Анийского царства Византии католикосом Петросом или горожанами Ани.

В этой связи единственным остается свидетельство «Матиане Картлиса»: «Судьба доставила царю Баграту благоприятный час. Перешел под его власть вост с подчиненными ему девятью анийскими крепостями, за исключением Амберда. Передали анийцы Ани матери Баграта, так как сородичами приходились ему армяне — мать Баграта, царица Мариам, была дочерью армянского царя Сенекерима»⁵⁰. Вост в Анийском царстве в то время известен один — Саргис Хайказн. Именно он мог контролиро-

⁴⁹ *Аристакэс Ластивертци*, с. 85.

⁵⁰ *Матиане Картлиса*, с. 49.

вать часть территории анийского удела и реально передать царю Грузии его крепости. В пользу этого свидетельствует и упоминание Амберда. Он входил в состав анийского удела и принадлежал Вахраму Пахлавуну, в данный период — противнику Хайказна, и именно поэтому не мог быть передан Грузии⁵¹. Наконец, в пользу тождества Саргиса с вестом «Матиане Картлиса» свидетельствуют и его предшествующие контакты с Грузией — «к абхазам» были увезены сокровища армянских Багратидов. Таким образом, приведенный отрывок из «Матиане Картлиса», на наш взгляд, объясняет исчезновение имени Саргиса со страниц армянских хроник: Хайказн перешел на сторону Баграта IV накануне передачи ему по меньшей мере юридической власти над Ани и не участвовал в последующей борьбе за судьбы царства.

В целом можно констатировать, что поведение Хайказна в 1042—1044 гг. не дает оснований рассматривать его как убежденного византинофила и проводника экспансионистских планов империи в Закавказье. Междоусобная борьба в Анийском царстве в исследуемый период может быть осмыслена лишь в общем контексте процесса феодальной раздробленности государства армянских Багратидов, заключительным этапом которого явились события 10—40-х годов XI в. Борьба эта в значительной степени способствовала реализации экспансионистских планов Византии в Армении. Объективно группировка Хайказна выступала как союзник империи, Грузии или любого другого государства, способного использовать внутренние усобицы в своих интересах. Но Саргис боролся с Гагиком II отнюдь не в интересах Византии, а преследовал свои цели, не совпадающие с имперскими и даже противоречащие им. Хайказн боролся за власть в анийском уделе, будучи его регентом. Неудача вынудила его искать поддержку извне. Как следствие — процесс феодальной раздробленности и сопровождавшие его усобицы «сразу же сказались, как только на Ближнем Востоке изменилась внешнеполитическая ситуация. . . Раздробленная на отдельные феодальные владения, страна. . . не могла противостоять Византии»⁵².

Из всего изложенного, на наш взгляд, следует, что аргументов в пользу традиционного толкования внутривосточной борьбы в Анийском царстве в 10—40-х годах XI в. как борьбы патристической и провизантийской группировок, возглавляемых соответственно Вахрамом Пахлавуну и Саргисом Хайказном, нет⁵³. На основании имеющихся сведений можно охарактеризовать внутривосточную ориентацию лишь отдельных, ведущих политических деятелей данного периода, деление которых на византинофилов и патристов невозможно. В целом можно констатировать, что внутривосточная борьба в Анийском царстве в исследуемый период была много сложнее общепринятых ныне представлений о ней, и «византинофил» Саргис Хайказн мог закончить свои дни на грузинской службе, так же как закончили ее на византийской представители рода Пахлавуну.

⁵¹ Ср.: Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82.

⁵² Еремян С. Т. Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в. — ВОН АН АрмССР, 1971, № 3, с. 13.

⁵³ Показательна в этой связи судьба Вахрама Пахлавуну, погибшего у стен осажденного византийскими войсками Двина и возглавлявшего анийскую армию, после аннексии царства включенную в состав контингентов новой фемы Иверия и Великая Армения; см.: Аристакес Ластивертци, с. 85; Маттэос Урхайтеци, с. 97. Вахрам Пахлавуну погиб вместе с сыном, возглавляя контингенты уже византийской армии и находясь на имперской службе. К. Н. Юзбашян, рассматривая внешнеполитические воззрения Пахлавуну, полагал, что Григор сравнительно рано понял неотвратимость византийского завоевания, тогда как Вахрам был последовательным противником провизантийской ориентации (Скилица о захвате Анийского царства, с. 85). В конечном счете, несмотря на возможные разногласия по внешнеполитическим вопросам, оба они закончили свои дни на имперской службе.